

являются скальпелями, вскрывающими язву так тихо и безболезненно, что больное общество чувствовало себя прекрасно и не замечало, что вся основа социального организма поражена общей болезнью.

Учредительное Собрание и др. подобные коллективы — это гнойный нарост, отравляющий мозги человечества, это подпорки, ходули, без которых человечество рухнуло бы в хаос, и уже потому является реакционным явлением; гипнотизируя массы, не давая им развиваться, целительно встряхнуться от навеянных грез, парламентаризм — это тормоз Анархизма и Свободы. *Децентрализация воли, индивидуализация воли* — вот что очистит мир больной от заразы умственной, от паралича воли.

Советы в своих основах реакционны, они санкционируют программы-минимум, постепеновщину.

Не учредительное Собрание, и не Парламенты делают революцию, а потому они не нужны; они стопорят революционный ход, а потому они вредны и подлежат уничтожению.

Неонигилизм

Безумными прозвали нас —
Мы слишком многого хотим,
Глупцы. Ярмо цепей для вас,
Как паутины нить, не видно,
Но мы в тюрьме не можем жить!

Анархисты стоят на распутье; они подобно звездной туманности не могут выявить себя резко определенно.

Читая статьи современных анархистов в их прессе, замечаешь повторение задов, сданных давно в архив гнилой и истертой истории, или видишь попытки закройщиков, желающих шить костюм, годный для всех.

В последнем случае, чаще всего, они превращаются в Тришек, которые, до того усердствовали, что от их анархизма воротник лишь остался; но они имеют смелость или глупость величать себя великими мастерами и бьют об этом на всех перекрестках в набат.

Они мнят себя колумбами XXI-го столетия и думают, открывают новую эру. Но все это было бы не так важно, если бы они

на себе только примеряли свое произведение, нет они хотят одеть его на каждого, и дело доходит до того, что у них готовятся, как у большевиков, анархические карточки — ибо все должно быть единым и нераздельным.

Таков анархизм.

Каковы же анархисты?

Метание из стороны в сторону, не искание, а блуждание в потемках залитых красным туманом, скачки с препятствиями вперегонки от черного к красному и всюду и везде: «Ты не должен», «Ты обязан»!...

Холуйская мораль, хаммунистическая логика, капральская палка «общего» во имя «Правды», справедливости, «идеи» государства, «свободы» и других подобных истеричных выкриков кликуш, зараженных микробами властничества, — вот чем отличается теперь наша анархическая среда.

Вот отсюда, то и родилось ренегатство «старых» работников на безвластнической ниве, их координация, субординация, единство, цель, казарменный режим, и церковный тревожный звон во время пожара своей колокольни.

I

Для каждого из нас, индивидов, «жизнь требует» определенного ответа. Нельзя уклоняться в сторону и уйти от борьбы: шестерня государственности и власти, помимо нашего желания, хочет втянуть нас в свою извечную мельницу все перетирающую в аморфную людскую пыль.

Куда ни повернись, везде фронты, — фронт внешний, фронт внутренний...

Все эти вопросы для непримиримого, сознающего себя анархистом, сводятся к единому против него «фронту: ведь для личности — все внешний фронт. Какими бы то ни было флагами не прикрывайся власть имущей, а он должен принудить повиноваться себе — всех, во имя... собственной власти.

Анархист хочет обойтись в жизни без городского.

Всякое принуждение — жандарм.

И если некоторые анархисты не решаются еще отрешиться от норм, правовых между собой отношений, паспортных удостоверений, то только потому, что они слишком долго были на вышке в охранных отделениях, если не субъектом, то объектом.

Воля к власти заражает многих из нас, в особенности энергичных натур; их темперамент требует работы, деятельности, они, не находя их, в обычной среде, а тем более, встречая противодействие государственных революционеров, идут в Каносу¹, где могут выявлять себя, маскируясь сторонниками, происходящей ныне «социальной» революции.

Они даже подгоняют философский фундамент к своему далеко не философскому ренегатству.

Они начинают уже действовать не за страх, а за совесть потому, что в потенции, раньше, уже были властниками, но теперь лишь они нашли подходящее поле для своей работы.

Они нашли свое «сегодня» потому, что им непонятно, им страшно за неверное, обманчивое «завтра».

У них появилось в душе «сейчас» и «после»; у них отсутствовало постоянное революционно-анархическое «сейчас» или «никогда».

Утописты старой революционной марки не могут обойтись без идеалов, без божков, которым надо поклоняться; им нужен «коран» и они его находят даже в анархической коммуне, не подзревая всей нелепости своего существования для «завтра».

Собственное каннибальское пожирание введено многими анархистами в обычай, но они боятся сделать его писанным законом, хотя имеются уже попытки и к этому.

Правду сказать, *большинство творцов анархической идеологии всегда в глубине своей души не допускало возможности существования в каждый данный момент без принуждения.*

Все они, отрицая мораль, брали ее обратную противоположность и вводили «мораль» беззвучную, т. е. неписанную, так или иначе они прокурорским оком разделяли на правых и левых, козлиц и овец, судили и осуждали.

Я отрицаю государство и власть под каким бы заманчивым гарниром она ни подавалась.

Я говорю: если ты отбросишь предрассудки мира сего, если отринешь все законы, «законы науки», идеалы, веру во внеходящееся и не станешь провокатором или червонным валетом, то — будешь действительно анархистом.

Разбить вдребезги чашу мира, покуситься на ветхого человека в себе, сорвать покровы и ризы со всех святынь — вот дело анархиста.

Если последнее верно, то прав Гегель, говоря, что: «Свобода состоит в том, чтобы не желать ничего кроме себя».

Моя ссылка на философа-филистера не знак моего признания авторитетов, а средство заставить стоящих на ходулях отбросить помочи или ринуться головой вниз; но они скорее сделают последнее.

Если в мире нет ничего, кроме «себя», то при всяком поползновении другого человека сделать меня «не собой», я принужден, я хочу быть преступником. Потому-то мой анархизм всегда преступен, потому-то — я «преступник».

И как только я становлюсь не преступником для государства и общества, я теряю себя и свой анархизм, я делаюсь почтенным гражданином, «товарищем».

Легализм в каждое данное время — отрицание анархизма; легальность во все эпохи — смерть самого «себя».

Таков критерий анархического или вернее неонигилистического кредо.

Отрицание частной собственности, государства, власти, идеалов даже, всего уклада, против которого борется анархизм, — ничто в сравнении с тем фарисейским принципом анархистов, что все делается ими для «общего блага», во имя блага; — и это выбрасывает в клоаку «цивилизации» и «культуры» неонигилист.

Имея мир со множеством других, помимо себя, я должен или обойтись без других, т. е. объявить им войну или признать — «должен» и платить всю свою жизнь по неоплатным векселям.

Если анархисты не признают векселей ни за прошлое, ни за настоящее, ни за будущее — они банкроты, преступники, они неонигилисты, они действительно анархисты.

«Но разве есть какая-либо честь в том, чтобы говорить истину детям или глупцам!»

Моя истина для меня лишь, а основные положения анархизма каждому из нас давно известны и, если мы революционеры, то мы придерживаемся их, и в таком случае, не пора ли поставить точку над всеми нашими спорами и писаниями и заняться единственно достойным — проявлять себя во имя себя!

«Все слова мы до битвы сказали».

А дракон не умирал и не умрет для меня никогда...

